

Голованенко С. А. [Рец. на:] Коген Г. Эстетика чистого чувства: (System der Philosophie, Dritter Theil. Aestetik des reinen Gefühl von H. Cohen. Zwei Bände. Berlin, 1912) // Богословский вестник 1916. Т. 1. № 2. С. 355–367 (2-я пагин.).

К Р И Т И К А.

355

интересна и глубоко назидательна для читателей всѣхъ положеній, возрастовъ, убѣжденій, степени образованія, что каждый, прочитавъ ее, выпесетъ изъ глубины своего удовлетвореннаго чувства глубокую признательность ея автору.

Н. Заозерскій.

II.

Г. Когенъ Эстетика чистаго чувства. (System der Philosophie, Dritter Theil. Ästhetik des reinen Gefühls von H. Cohen. Zwei Bände; Berlin. 1912).

Философія Г. Когена родилась и возрасла подъ трех-звѣздіемъ культуры. Ея основной вопросъ—„единство сознанія“. Ея общій отвѣтъ: сознаніе—сознаніе культуры, и только въ единствѣ культуры единство сознанія достигаетъ истинной жизненности. Культура трехчленна, сознаніе тріедино. Логика, этика и эстетика разгадываютъ загадку тріединого сознанія: логика—Логика чистаго знанія (Logik der reinen Erkenntniss), этика—Этика чистой воли (Ethik des reinen Willens), эстетика—Эстетика чистаго чувства (Ästhetik des reinen Gefühls). Эти три члена системы философіи внутренне должны объединиться въ Психологіи, какъ энциклопедіи всей системы философіи ¹⁾.

При чтеніи Логики ²⁾, долженствующей намѣтить пути истины, остается странное впечатлѣніе, словно въ гостяхъ безъ хозяина; а плотные ряды категорій съ четкими, обточенными понятіями, словно богато-сервированный, но похоронный, столъ. *Что* есть истина?—Чистая мысль, порождающая всякое „что“. Кто истинствующій?—Чистая мысль, въ путяхъ очищающаяся. *Что же, есть* истина? Истина—путь (методъ). Къ чему? Къ чистой мысли. „Мыслится“, а не Я мыслю; „познается“, а не Я познаю: все должно принадлежать Хозяину, а его нѣтъ, и гости—вѣчные гости—категоріи, кружашіеся бродяги... Отъ мертвящей красоты Логики становится немного жутко.

...Но все-таки единство на-лицо: оно въ движеніи, круговоротѣ чистой мысли. А въ чемъ чистота?—Въ научности, чистая мысль—научная мысль, первый членъ тріединства—

¹⁾ Ästhetik d. r. Gefühls. B. 2, 426—32.

²⁾ Logik der reinen Erkenntniss. Berlin, 1902 г.

научное сознание. Научное же сознание, по самому характеру своему, должно быть непосѣдливимъ, путешествующимъ и путетворящимъ: истина—методъ; истина метода въ служеніи *идетъ* научности, раскрывающей путнику все новые и новые горизонты. Такимъ образомъ, на вопросъ „гдѣ чистое познающее сознание“ Когенъ отвѣчаетъ: въ научномъ сознаниі, въ „Bewusstsein“. Что непричастно этой тенденці къ чистотѣ, то нечисто, Bewusstheit, т. е. обычное живое сознание. При вглядываніи въ парадъ логическихъ категорій, невольно замѣчаешь, что Когену Bewusstheit очень мѣшаетъ, и онъ это Bewusstheit старается изгнать, но изгнать не можетъ; и, по прочтеніи всей Логики, становится понятнымъ, что Bewusstheit не изгнано, а только загнано, куда—не ясно. Несмотря на загнанность, Bewusstheit животворитъ своего гонителя—Bewusstsein. И, наконецъ, проясняется: Хозяинъ (Bewusstheit) не умеръ, и только гости (категоріи Bewusstseins) хотятъ его, во что бы-то ни стало, сжить со свѣта. Для насъ теперь не важно, что хозяинъ можетъ смѣшать плотные ряды категорій, нарушивъ похоронную чинность гостей; для насъ важно, что въ Логикѣ чистаго знанія Когена мы не нашли на своемъ посту *живого* субъекта знанія. Но такъ какъ Логика—первый членъ символа культуры, то есть надежда, что, можетъ быть, загнанный хозяинъ (Bewusstheit) получить должное вознагражденіе въ царствѣ воли, среди гостей—категорій „Этики чистой воли“ ¹⁾.

Если въ „Логикѣ“ сознаются *объекты*, а самъ сознающій—тѣневое единство объектовъ, то въ „Этикѣ“, гдѣ съ мыслью сочленяются аффекты, гдѣ тѣни становятся цѣлями, а объекты средствомъ, царствуетъ Я, *само-сознание*. Мы готовы радоваться, ожидая увидѣть *самихъ*, хозяевъ, а не только гостей; но, по мѣрѣ знакомства съ этическими категоріями, радость меркнетъ. Всякій гость заявляетъ по-очередно, что хозяинъ онъ—самъ: и въ этой смѣнѣ заявленій начинается проясняться, что и здѣсь настоящего, пусть плохого, хозяина нѣтъ, что и отсюда изгнано Bewusstheit. Что есть добро?—Чистая воля. Кто добротствующій?—Его нѣтъ; онъ, das Selbst,—безконечная задача, безконечно *хочетъ* быть. Что же, *есть* добро?—Добро—путь (методъ). Къ чему?—Къ чистой волѣ, къ само-сознанію Я. Задача само-

¹⁾ Ethik des reinen Willens. Zweite Aufgabe. Berlin. 1907.

сознанія рѣшается государствомъ, а право узнаеть для этого рѣшенія все новыя и новыя условія, ставя по путямъ, имъ проложеннымъ, крѣпкія вѣхи. „Само“—юридическое лицо, членъ государства, а государство путь къ чистому лицу, путь къ членству *der Allheit*. „Волился“, „свобода“, „само-сознаніе“—какъ будто есть хозяева-творцы, а, на самомъ дѣлѣ, все—„неволился“: свободная самость—раба государства, самосознаніе, какъ *das Selbst der Allheit*, пустое слово. Если безконечная задача (*das Selbst der Allheit*) задается и вѣчно разрѣшается правовымъ государствомъ, то чистота этического сознанія—въ правовомъ сознаніи, все остальное—нечисть.

Холоднымъ движущимся кольцомъ научной мысли сдавленъ живой познающій субъектъ, стальными цѣпями государственнаго права закована живая воля; невѣдомому богу—всещности (*Allheit*), человѣчеству принесено въ безцѣльную жертву *само-сознаніе*. Но неужели самосознаніе—правосознаніе, *только* методъ? Да: добро-методъ собрать истиннѣ-методу.... Остается искать хозяина въ третьемъ символѣ культуры—въ царствѣ красоты. Конечно, въ Эстетикѣ, гдѣ живо и дѣйственно чистое чувство, гдѣ не сознаніе, не самосознаніе, а самочувствіе, будетъ найденъ живой, загнанный, субъектъ? Въ мірѣ чувствъ нельзя, вѣдь, быть такимъ холодно-методичнымъ, какъ въ логикѣ и этикѣ: все здѣсь, плавясь, переливается и выплескивается изъ готовыхъ формъ. Исключительный интересъ, поэтому, приобретаетъ двухтомная „Эстетика чистаго чувства“. Для насъ, разыскивающихъ живого субъекта, важенъ, главнымъ образомъ, томъ первый, гдѣ излагаются основоположенія систематической эстетики; и второй—въ тѣхъ частяхъ, гдѣ затрагиваются общіе вопросы объ эстетическомъ сознаніи.

„Эстетика чистаго чувства“, какъ третій членъ методическаго рационализма, должна быть систематической эстетикой ¹⁾. Какъ въ Логикѣ *единство* знанія, а въ Этикѣ *единство* нравственной культуры, такъ въ Эстетикѣ *единство* искусства является основной проблемой. Логика и Этика, какъ первочлены, составляютъ предусловіе Эстетики: ея путь заранѣе опредѣленно намѣченъ тѣмъ, что предметъ

¹⁾ Ästhetik. Gl. I., „Проблема систематической эстетики“ стр. 4—68.

искусства—всегда предметъ природы (логика) и предметъ государства (этика). Если же эстетика не членъ трехчленной системы, то философія вообще невозможна: признать эстетику не систематической, значить, измѣнить научному разуму, отдавшись красивой, но слѣпой романтикѣ. Всякій романтизмъ посягаетъ на неотъемлемыя права животворящаго научнаго разума, разыскивая тщетно какую-то особую мудрость, истину, какъ Абсолютное, странными и нелѣпыми путями: вмѣсто методическихъ принциповъ, надежныхъ—путеводныхъ вѣхъ, фантазія съ туманомъ безнадежно-запутывающихъ интуицій. Безсмысленно противопоставлять искусство наукъ: искусство ничто безъ вожака—научнаго познанія, наука—предусловіе истиннаго искусства. Нужно прикончить со всякой мистеріей индивидуальности, прервать порывы къ трансцендентному, разгадавъ смыслъ ихъ, потому что подлинная авто-номія въ автономіи научнаго сознанія, а не въ лепетѣ священныхъ книгъ и мифическихъ сказаній. Контроль научнаго сознанія надъ эстетикой не лишаетъ однако эстетическое сознаніе извѣстной самостоятельности: Эстетика—равноправный членъ системы философіи.

Какъ относится эстетика къ этикѣ? 1) Онѣ—сочлены: ихъ основоположенія систематически координируются, сходясь въ требованіи свободы, хотя и обусловленной законосообразностью научнаго сознанія. Нравственная свобода въ само-законности, причемъ „само“ нравственнаго индивидуума, какъ само всещности (Allheit), безконечная задача. Эстетическая свобода ярко выражается въ свободѣ генія. Но путь искусства гомогененъ путямъ нравственности: свобода искусства имѣетъ свою идею законности, которая обуславливаетъ творчество генія. Геній—выраженіе разума въ искусствѣ, того разума, который четко обозначился въ Логикѣ. Геній, постигая идею закона, въ творествѣ своемъ открываетъ конкретные законы эстетики, по-новому воплощая разумъ. Искусство не открываетъ нравственныхъ истинъ: Этика—предусловіе Эстетики 2). Итакъ, свое лицо эстетики—въ методъ разрѣшенія проблемы единства сознанія, какъ эстетическаго сознанія: эстетика не въ состояніи открытъ

1) *Asthetik*. стр. 37—42.

2) *Ibid.* Глава вторая. стр. 69—116.

истинъ логическихъ и этическихъ. Если же эстетика не будетъ слушаться старшихъ со-членовъ системы, она выпадетъ изъ системы въ тьму кромѣшную, въ тьму романтики. Во что же, наконецъ, обращенъ третій символъ культуры? Въ новую форму разумѣнія вещей подъ строжайшимъ присмотромъ идеи научности и государственности. Изгнано религиозно-метафизическое; изгнаніемъ интуитивнаго изгнана всякая непосредственность. Одного этого достаточно, чтобы напередъ заподозрить *чистоту* чувства, свѣтлую непосредственность само-чувствія. Хотя, по Когену, *das Gefühle ist der Wegweiser in das neue Land*, на самомъ дѣлѣ, чистое чувство, рѣзко-отдѣленное отъ обычнаго человѣческаго чувства, обѣдно, грубо очищено, — назовемъ ли мы его чистымъ, духовнымъ—все равно. Отъ *чего* Когенъ очищаетъ чувство? Отъ составовъ живого чувства—эстетическаго „*Bewusstheit*“. *Bewusstheit* вообще—предматеріаль, загадка, съ которой начинается теоретическая культура; загадка, которая разгадывается въ научномъ сознаніи. *Bewusstheit* не чудо, не тайна; иначе пришлось бы признать самоцѣнность метафизики и интуицій. У этой загадки нѣтъ собственнаго содержанія! *Bewusstheit* — предпосылка для содержанія сознанія. Чистое чувство — творецъ содержанія, а эстетическое сознаваніе (*Bewusstheit*), разнорѣчивыя желанія съ нежеланіями, словомъ, общія чувства жизни — только условіе этого творчества, только моментъ и лишь въ этомъ смыслѣ ихъ можно назвать „первоэлементами“ эстетическаго сознанія. Эстетическое чистое чувство тамъ, гдѣ чистота мысли, гдѣ новое содержаніе культуры. Если важно кристаллизующееся содержаніе, а не голое находженіе чувствъ, то бессознательное и прочее подобное не имѣютъ правъ въ эстетической законсообразности ¹⁾.

Первый, крупный и ясный, шагъ къ обѣдненію сокровищницы чувствъ Когеномъ сдѣланъ. Бессознательное, чувства жизни, словомъ, *жизнь* чувствъ признана отрицательнымъ условіемъ чистаго чувства, первоэлементами въ кавычкахъ. Смыслъ чистоты—въ научномъ сознаніи, дѣтищемъ котораго является эстетическое сознаваніе. Все, не родное научному познанію и научной этикѣ, оставлено за чертой системы. Эта

¹⁾ Ibid. Глава третья, стр. 119—132.

фильтровка, не пропускающая самаго живого, является хозяйничаньемъ безъ хозяина, продолженіемъ *загнанности* живого субъекта, при началѣ которой мы присутствовали въ Логикѣ.

Итакъ, чувство очищено, отъ чего — мы знаемъ. *Какъ* очищено чувство? какъ Когенъ сочленилъ чувство съ холодомъ логики и со сталью этики?—Чистое сознание не субстанція, а творчество, движеніе. Движеніе (*Bewegung*) является для Когена очень усерднымъ и всемогущимъ помощникомъ. Если сознание-движеніе, то и чувство должно быть ступенью сознанья-движенья. Чувство—чувство движенія, *das Fühlen selbst ist schon Bewegung*. Вѣдь, движеніе—основная и первая форма для всего внѣшняго и внутренняго, къ тому же внутреннее, въ данномъ случаѣ чувство, коррелятивно внѣшнему. Съ перваго взгляда у чувства есть соперникъ—ощущеніе. Правда, ощущенія составляютъ конкретное содержаніе чувствъ, но чувства первѣе ихъ: первое въ сознаніи не ощущеніе, а чувство ощущенія. Вопросъ объ ощущеніяхъ становится вопросомъ о переходахъ формъ движенія, поскольку чувства—движенія, поскольку содержаніе ощущеній сводится къ отношеніямъ. Если же нельзя говорить о содержаніи ощущеній въ себѣ и для себя, то ихъ соперничество съ чувствомъ оказывается совсѣмъ мнимымъ. Но не только ощущенія, а всѣ отгѣнки чистой мысли коррелятивны чувству: есть чувство мысли (*Denkgeföhle*), чувство сужденій и предложеній, понятій и словъ. Чистое чувство, конечно, охватываетъ всѣ предступени чувствъ и въ искусствѣ мы видимъ единство мысли и чувства мысли ¹⁾. Примѣръ налицо: поэзія.

Логика поэзіи отличается отъ логики понятій, такъ какъ въ ней объединяются чувства мысли и чувства слова. Наличие мысли въ поэзіи исключаетъ созерцаніе, какъ основной источникъ поэзіи. Логика поэзіи, руководясь закономъ сравненія, а не тождества, можетъ устанавливать новыя связи, но эти связи часто бываютъ ложными: чувство обволакиваетъ и забываетъ то научное зернышко, которое таится въ поэзіи, въ чистой мысли. Если въ логикѣ контролеръ—понятія, то въ искусствѣ—самочувствіе, внутренній міръ

¹⁾ Ibid. Глава четвертая, стр. 136—183.

самости. Конечно, логика, равно какъ и этика, являются предусловіемъ поэзіи, и лишь взаимопроникновеніе методовъ трехчленной системы даетъ силы развиваться поэзіи, сдѣлать предметы воодушевленными. Законъ сравненія долженъ методически координироваться съ духомъ логики и этики ¹⁾; иначе самочувствіе сведется къ оторванному самосозерцаію, тѣмъ болѣе, что въ поэзіи рѣшительно все только поводъ для сознанія, овнутренія. Въ духовномъ овнутрененіи предметовъ поэзія, какъ форма чистоты, переходитъ въ чистую мысль, координируется съ ней. Вѣдь, природа, въ глубинѣ своей, зеркало внутренняго (Innere), излученіе внутренняго—этого ноумена, вещи въ себѣ. Тамъ, гдѣ чистая мысль, тамъ чистое чувство. Чистое же чувство—въ любви: die Liebe ist das reine ästhetische Gefühl ²⁾. Любовь въ эстетикѣ имѣетъ свой, особенный, аспектъ: это—платоновскій эросъ, стремящійся zur Allheit der Idee. Любовь не сливается ни съ нравственнымъ закономъ, ни съ религиозными мечтами о любви. Религія всегда питалась искусствомъ, искажая истину приманчивыми заблужденіями. Любовь въ эстетикѣ не любовь къ трансцендентному Богу, а чистая любовь къ природѣ человѣка (zur Natur des Menschen); природа же человѣка—членъ всеобщей окружающей природы. Такая чистая, духовная, любовь—мать искусства.

Что же значить любовь къ природѣ? Любовь къ природѣ есть любовь къ *единству* природы въ тѣлѣ и душѣ человѣка. Искусство, раскрывающее это единство, несетъ въ себѣ тенденцію къ всецности (Allheit). Любовь къ природѣ человѣка переходитъ въ любовь къ *человѣку* природы (die Natur der Menschen, das ist der Mensch der Natur). Такъ какъ человѣкъ—Mittelpunkt, и его природа расширяется до универса. то эстетическіе горизонты отодвигаются все дальше и дальше. Спрашивается, что же новаго несетъ міру чистая любовь? Это новое—не въ содержаніи объектовъ (содержаніе раскрыто въ логикѣ и этикѣ), а въ формѣ творчества субъекта. Чувство всегда возвращается къ человѣку, и онъ—самъ является послѣднимъ обоснователемъ творцомъ новаго единства сознанія. Только здѣсь, въ чистомъ чувствѣ, субъектъ при-

¹⁾ Ibid. Глава шестая, стр. 359—397.

²⁾ Ibid. Глава вторая, стр. 183—201.

обрѣтаетъ должное, исключительное, значеніе. Въ логикѣ субъектъ опредѣлялся, какъ *единство* понятій въ знаніи; въ этикѣ, какъ единство всещности въ волѣ. Эти два единства—предсубъекты эстетическаго Я, они меркнутъ предъ нимъ ¹⁾.

Послѣ такихъ многообъщающихъ заявленій Когена, радость, было угасшая, вспыхиваетъ отъ будущаго зрѣнія эстетическаго субъекта, затмившаго собратьевъ. Но вспоминая, что у эстетики есть двойная ограда, изъ науки и государства, которая ни за что не пуститъ плѣнника въ за-предѣльное, въ даль бессознательнаго и сверхсознательнаго, мы заранѣе можемъ сказать, что, если мы и увидимъ что-нибудь, то это будетъ бенгальскій, искусственный, огонекъ.

Послѣдуемъ за Когеномъ. Индивидуумъ—альфа и омега эстетики: искусство—искусство генія. Само-чувствіе предполагаетъ научное сознаніе (логическій субъектъ) и этическое сознаніе (этический субъектъ). Самочувствіе не разряжается въ себялюбіи. Любовь къ человѣку природы открываетъ единственную цѣль, безконечную задачу—творчество индивидуума. Здѣсь схождение и расхождение эстетики и этики. Для эстетическаго чувства этотъ пунктъ, „это“ становится всѣмъ: индивидуальность—единственная реальность для эстетики, но триумфъ ея тамъ, гдѣ любовь, а не самолюбіе. Чистота любви—форма чистоты идеи: движеніе, какъ первоизлученіе чувства—сознанія, какъ само сознаніе, возвращается въ себя (*die Zurückstrahlung in sich selbst*), и это возвращеніе созидаетъ для чувства новую форму чистоты, свой объектъ не въ смыслѣ содержанія, отличнаго отъ содержанія логики—этики, а въ смыслѣ формы, метода. Въ этихъ предѣлахъ чистое чувство автономно, въ этихъ предѣлахъ безконечно-силенъ эстетическій субъектъ ²⁾.

Конечно, если принять евангеліе науки (логика) и дѣянія государства (этика), то мы должны принять и апокалипсисъ откровенія эстетики, славу эстетическаго Я. Въ эстетикѣ мысль, познающая и дѣйствующая, возвращается къ себѣ—домой новой дорогой и, возвращаясь, любовно оглядываетъ—познаетъ каждый этапъ пройденнаго пути, каждую крупицу своихъ богатствъ, ранѣе и невиданныхъ, и какъ-бы переливается въ каждое „это“, перевоплощается....

¹⁾ Ibid, глава вторая, 201—224.

²⁾ Ibid, глава вторая, 224—236.

Не можетъ быть возраженій, что чувство любви вообще автономно, но эстетическая свобода Когена оказывается двойной тюрьмой.

Вѣдь, на самомъ-то дѣлѣ, содержаніе эстетики разрѣшается во всеобщей корреляціи, сводится къ уразумѣнію возвратнаго движенія чистой мысли, а заявленія: человекъ—фокусъ всего, эстетическій субъектъ автономенъ—слишкомъ многозначны. Что такое природа человекъ?—Тѣло. Что такое человекъ природы?—Человекъ—коррелятивный членъ природы. Кто такое „самъ“, свободное эстетическое я? Чистое творчество кристаллизуется въ произведеніяхъ искусства, которыя цѣнны, какъ міръ для себя, какъ реализація идеала.. А самъ-творецъ? Онъ—человекъ человекства, методъ объективированія, безконечная задача (*der Mensch bildet nur der Methodenbegriff der Objektivierung*). Даже меньше: человекъ—только средство объективированія, посредствующій объектъ объективированія (*gleichsam der vermittelnde Objekt der Objektivierung*). Кромѣ того, эстетическій субъектъ—подъ двумя замками: одинъ ключъ у логическаго субъекта, другой у этического. Въ томъ случаѣ само-чувствіе эстетическаго субъекта можетъ быть прекраснымъ, если онъ безпрекословно вѣрить только наукѣ и государственности. Если же нѣтъ, то свобода въ самочувствіи субъекта—самообманъ, игра съ самимъ собой, игра безконечная и безплодная. Какая же свобода, когда двѣ тюрьмы? Какое же само-чувствіе, когда „само“—методъ? Какая же любовь, когда эстетическій субъектъ средство средствъ, объектъ объективированія? Слишкомъ расплывчаты утвержденія, что „любовь къ человекъ есть самочувствіе человекства въ человекъ“. Какъ въ Логикѣ и Этикѣ, такъ и въ Эстетикѣ живой субъектъ сталъ тѣнью, задачей единства культуры.

Крайне любопытно: чѣмъ тѣнь эстетическаго субъекта пользуется для разрѣшенія задачи единства; каково строеніе эстетическаго метода? Заглавной идеей логики является—*Ursprung des unendlichen Urtheils*; этики—*Allheit* (*Die Allheit ist der Ursprungsbegriff der sittlichen Einheit des Willens*). Заглавная идея эстетики—красота (*Schonheit*)¹⁾. Творецъ и продуктъ эстетическаго творчества остаются раздѣленными. Надо

¹⁾ Ibid. глава пятая, стр. 238--265.

объединить эти два понятія высшимъ понятіемъ (Oberbegriff). Красота, какъ основоположеніе эстетическаго творчества, является такимъ объединителемъ. Итакъ, что такое красота? Grundlegung, идея въ платоновскомъ смыслѣ слова, т. е. она не представленіе (софисты), не понятіе (Сократъ), не сущность въ себѣ (Аристотель), не абсолютное бытіе, а идея—методъ. Значить, живого субъекта красоты нѣтъ: красоты нѣтъ, она *будетъ*. Красота, какъ идея, свидѣтельствуешь о самостоятельной тенденціи чистаго чувства, безконечно заданной. Поскольку чистое чувство объективируется, красота—посредникъ, и только посредникъ, между творцомъ и произведеніемъ искусства: въ ней единство эстетической задачи, единство эстетическихъ категорій. Красота—первопонятіе въ ряду эстетическихъ понятій; первопонятіе не абсолютное, а абсолютно-заданное.

Изъ коррелятовъ—подпонятій—моментовъ красоты (Erhabenheit und Humor) выдѣляется близостью къ задачѣ эстетики и находчивостью въ исполненіи ея—Humor: онъ приноситъ своеобразную теодицею искусства ¹⁾. Логика и этика, какъ бы-то ни было, мирятся съ безобразнымъ. Эстетика должна преодолѣть—преобразить его. И она преодолѣваетъ безобразіе, открывъ, что безобразіе—моментъ красоты, служебное средство въ хозяйствѣ красоты. „Безобразіе—безобразно, но Humor дѣлаетъ его красивымъ“. Вѣдь, сама красота—требованіе прекрасной природы, и юморъ больше всего стремленій выражаетъ къ творчеству прекрасной природы. Красота облагораживаетъ безобразное, животное въ человѣкѣ природы и на этомъ пути ея творчество сочленяется съ творчествомъ мысли и воли: безобразное, животное—поводъ, вопросъ для красоты, для творчества единства эстетическаго сознанія ²⁾.

Присматриваясь къ царству красоты, мы замѣчаемъ: и тутъ все расплывается въ безконечностяхъ, въ которыхъ потопленъ живой субъектъ красоты; и тутъ—всюду пути, пути... Что такое эстетическая самость? Безконечная задача: въ человѣкѣ красоты нѣтъ, красота—методъ. Что такое эстетическій объектъ? Безконечная задача: прекрасная при-

¹⁾ Ibid. стр. 265—297.

²⁾ Ibid. стр. 297—348.

рода — идея, ея нѣтъ, она вѣчно будетъ... И посредникъ между субъектомъ и объектомъ, безконечно ткущей безконечную ткань безконечнаго единства,—самъ средство, вѣха; красоты нѣтъ, она будетъ. Но, все-таки, та или иная реализація идеала въ произведеніяхъ искусства есть, все-таки въ эстетическомъ объектѣ кристаллизуется чистое чувство и онъ, объектъ, имѣетъ исключительную цѣнность, какъ бы бытіе для себя. Что это значитъ? Это значитъ, что эстетическій субъектъ — посредникъ, созидаемый первоосредникомъ красотой, на службѣ у эстетическаго объекта, поглощенъ объектомъ точно такъ же, какъ въ логикѣ и этикѣ отъ живымъ субъектовъ осталась единящая тѣнь. Если въ логикѣ субъектъ—единство объектовъ природы, а въ этикѣ—единство объектовъ правового государства, человѣчества, то въ эстетикѣ субъектъ, внѣ кристаллизовавшихся эстетическихъ объектовъ, внѣ исторіи, внѣ школы—тѣнь, ничто; а самъ по себѣ онъ—безконечная задача единства. Вездѣ объекты, вещи, хозяйства безъ хозяина. И видимые устои, и безконечныя посредничества ведутъ въ трясины, засасывающія своей дурною безконечностью.... Что есть эстетическій субъектъ?—Методъ. Что такое красота?—Методъ. Что такое эстетическій методъ?—Методъ единства эстетическаго сознанія. Что такое единство эстетическаго сознанія, какъ члена единства культуры?—Безконечная задача, методъ единства. Это—оргія панметодизма.

Но если всѣ три символа системы Когена—символы вѣры въ объектъ, которому сопутствуетъ безкровная тѣнь субъекта въ формѣ единства, вѣчно-заданнаго, — то, можетъ быть, сочлененіе единствъ сознанія, тріединное сознаніе преобразится, и станетъ живымъ *die Einheit Bewusstsein*? Это общаетъ Когенъ въ Психологіи. Но развѣ мертвецы естественно могутъ ожить, и мертвыя кости—стать жизненнымъ тѣломъ, если ихъ положить рядомъ, или смѣшать? Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ должно заключаться единство трехъ формъ сознанія? Такъ какъ единство—методъ, задача, то *die Einheit* должно заключаться во взаимопроникновеніи методовъ, въ ихъ взаимной координаціи. Вѣдь, элементы (логика, этика, эстетика)—предусловія, абстракціи; но и цѣлое (психологія) внѣ элементовъ—тоже абстракція, нуль. Зная элементы, напрасно мы стали бы искать въ обѣщаніяхъ Психологіи на-

меки на психологию живого субъекта, личности. И для Психологии личность—методъ, безконечная задача, но, главнымъ образомъ, въ аспектѣ прошлаго, въ аспектѣ историческомъ: для нея сознание не *мое*, а сознание культуры; для нея наисущественно не единство личности, а единство культуры. Культура же не знаетъ самоцѣнной, данной личности; ея проблемы влекутъ насъ неминуемо въ даль исторіи (*die Kultur aber ist ein Problem der Geschichte*). Но даль прошлаго без-начальна и без-конечна, потому что сама культура—задача, сама исторія — проблема. Опять все упирается въ *единство* культуры 1). Кто единить единства? *Menschenheit*, человѣчество.

Такимъ образомъ, Психологія, какъ вершина системы философіи, можетъ быть названа психологіей человѣчества. Но, конечно, человѣчество не сущность, а идея: единство человѣчества—первогипотеза, ведущая, чрезъ гипотезу единства культуры, къ тріединству сознания. Единство сознания—культуры вовсе неравнозначно съ метафизическимъ монизмомъ: оно стоитъ подъ вѣчно-стерегущимъ знакомъ „*Entwicklung*“ и формы сознания лишь координированныя линіи въ развитіи сознания культуры.

Но почему Психологія—психологія туманнаго человѣчества: развѣ самоцѣнная личность не можетъ быть углублена въ исторіи? Развѣ культура, явившаяся измѣнницей, породившему ее, культу, не можетъ стать просвѣтленнымъ культомъ Абсолютному?

Хотя „святое святыхъ“ системы Когена въ чистой мысли, но въ ней нѣтъ мѣста живому Логосу; поэтому и въ „Эстетикѣ чистаго чувства“ нѣтъ живого субъекта—хозяина: мы находили безконечныя пути, но не нашли пути къ Безконечному; мы находили вѣчные знаки, но не нашли символа Вѣчности. Всѣ безконечныя пути системы Когена ведутъ въ земной градъ, гербъ котораго, не смотря на всю сложную тайнопись, можетъ быть разгаданъ: имя ему „*Вещь*“. Любовь „эстетики“—любовь къ вещамъ міра сего. Эстетика своими идеями-методами обѣщаетъ овладѣть неисчерпаемыми богатствами вещей, она готова *все* принять и благословить, лишь бы на всемъ стоялъ знакъ міра сего, лишь

1) *Asthetik*, b. 2 стр. 416—432.